



**Абди-Жамил НУРПЕИС**

## **И БЫЛ ДЕНЬ... И БЫЛА НОЧЬ...**

Роман в двух книгах

**Книга первая**

**И БЫЛ ДЕНЬ...**

Я не чинил людям зла... Я не убивал...  
Я не преграждал путь бегущей воде...

*«Книга мертвых». Оправдательная речь  
умершего в посмертии перед Богом  
(из древнего египетского папируса)*

### **Часть первая**

Высокий темноликий человек, сутулясь, оглядывался на свои следы; он смотрел долго и замороженно, силясь что-то понять и еще не сознавая, что это вдруг привлекло его внимание; просто оглянулся назад, туда, где в зимней мгле темнел рыбачий аул; и взгляд его, скользя ненароком, задержался на этих следах по ранней пухлой пороше; неровные, тяжкие следы усталого человека... Он сам не знал почему, но вид их вызывал в нем глухую тоску; было в них что-то несуразное, не в ладу со всем окружающим, – что они напоминали, почему тревожили? Пос-той... Пстой, дружок. Да не саму ли жизнь твою? Постарайся, вспомни, не эта ли несуразность взбесила твою прелюбезную тещу, ту самую старую хрычовку; и не она ли в эти годы поражала своей изобретательной способностью придумывать для тебя издевку одну хлеще другой, окрестив тебя то «дипломированным рыбаком», то, ехидно посмеиваясь, пророчествовала: «придет время, и наш милый зятек будет плестись в хвосте всех людей и, как кара нар<sup>1</sup>, упрямо тащить на себе проклятую сеть по луже, оставшейся на донышке от прежнего Аральского моря»

А ты небось в своих тяжко влачащихся следах на снегу, как в старых записях давно забытых страниц, ищешь себя, свою суть и сущность; разве не нашими предками было сказано: «Не сожалею о прошлом, уже минувшем»? Если так, то почему томишься, утопая в своей душевной смуте, ищешь в канувшем в небытие какой-то прок, здравый смысл?

Ну, сознайся, хотя бы после худо-бедно прожитых с Бакизат стольких лет, был ли вообще смысл создавать семью, зная, что с самого начала между вами не было ни согласия, ни душевного понимания?..

Какой бы тещей ни была, кто знает, в чем-то она и права. Хотя бы в том, что все тринадцать лет угнетало Бакизат не что иное, как извечная твоя инертность и покорность перед тем, что ниспослет тебе судьба... И вот чем всё кончилось: неприкаянный, томишься на пустынной льдине судьбы... кажется, отец, или кто

<sup>1</sup> Кара нар – черный верблюд дромадер (здесь и далее перевод с казахского).

еще, говаривал: «Жизнь на исходе лет – что ветошь драная»; должно быть, в минуту отчаяния молвил кто-то эти слова, исполненные безысходной печали; может, ты никогда не произносил их вслух, однако в душе, будь она неладна, давно предчувствовал, пусть смутно, но знал, зна-а-ал же, что не чем-то иным рано или поздно вот так и завершится ваша совместная жизнь; знал, предчувствовал; однако в те благие дни мог ли пустить в душу негожие мысли!

А ну-ка, постарайся, вспомни, дружок, с чего, собственно говоря, и как началась в то, теперь далекое, время злополучная ваша совместная жизнь? Да, с чего-о?.. И ка-ак? Вас было в то время трое. Азим. Бакизат. И ты.

Выходцы из аула рыбаков, затерявшегося где-то далеко в степи в сторону Каспийского моря; решили, что поедете в Алма-Ату все вместе, поступать в институт; родители готовили вас в дорогу; ты как сейчас помнишь: почему-то мать Бакизат этой поездке дочери придавала большое значение; советовалась с мужем раз десять; с дочерью тоже; но, вопреки возражению дочери, в решительный момент она поступила по своему разумению и всё лучшее, дорогие вещи, какие у нее были, запихала в два больших чемодана. И эта хрычовка и тогда к тебе отнеслась с нескрываемым пренебрежением, находя тебя каким-то недоделанным, мямлей. Зато со всех ног прибежала к дому старика Сулеймена и, завлекая в сторонку его сына, с каким с жаром говорила ему о своей дочери, что она любимица родителей, что она еще ребенок, кроме ласки и любви бедных родителей ничего не видела в жизни. И вот теперь она едет, едет в далекий край, и вдруг окажется в большом городе, среди чужих, совсем, совсем незнакомых людей, такая доверчивая, изнеженная, такая беззащитная, и кроме тебя, Азимжан, никто не сможет быть ей опорой и защитой.

Ты с трудом сдерживал душивший тебя смех; как не смеяться, когда видишь, как чуть ли не со слезами на глазах передает мать самому волку пока что безвинного и во всех отношениях, черт подери, милого и соблазнительного ягненочка.

Азиму это и нужно было. Не успели выехать в дорогу, твой дружок мигом вскружил ей голову; в поезде, по всему было видно, относился он к ней не иначе как к некоей необходимой в пути своей личной вещи. Тебя он вовсе не замечал; всё уединялся с ней; бывало и так: стал всё чаще уводить её в тамбур.

Приехали в Алма-Ату. Он, хотя остановился и жил в доме двоюродного дяди, на самом деле в основном проводил время в студенческих общежитиях; как расходовали они ночи, было ведомо им самим и Аллаху, а что касается дней, все видели, что они неразлучно вместе; как только заканчивались занятия, взявшись за руки, шли то в кино, то в театр; стоило слышать, что где-то в парке или еще где-нибудь идут танцы, как эта с блестящими черными глазами, тонкая, худенькая девушка тотчас начинала тормозить и торопить Азима и сама, тоже торопясь, шла рядом со стройным красивым парнем; предвкушая радость от предстоящих танцев, уже возбужденная, с ликующей душой, вела она бог весть какие никчемные, пустые разговоры и спешила на танцы; и этот миг студенческой её жизни, проведенной в столице, был ей особенно мил и по душе.

В то время никто в столице не сомневался в том, что они поженятся; да и Азим не скрывал, говорил всем: «Вот увидите, закончим учебу, сразу поженемся. Устроим свадьбу. Пригласим всех аральцев, которые учатся здесь». Прожужжать-то он прожужжал всем уши, но... но в решительный момент почему-то вдруг, так неожиданно, озадачив всех, бросил Бакизат и женился на другой, отец которой якобы занимал важную должность в Большом Доме; если верить молве, в этом неблагоприятном деле будто бы замешан его дядя, великий строитель. И тот же дядя, устроив той новобрачным, тайком, поспешно спровадил их куда-то подальше с глаз.

Всё это случилось в один и тот же день, когда ребята из Аральска, закончив учебу, получили дипломы; на радостях новоиспеченные специалисты всю ночь напролет гуляли, пели, шумели, резвились, тревожа сон горожан; бурная радость минувшего дня ничуть не улеглась и на следующий день; несмотря на то, что не выспались и болела голова, ни свет, ни заря повскакивали с постели и, кое-как сполоснув гудящую голову под холодной струей из-под крана, примчались прямо к тебе в общежитие; не дав опомниться, накинулись на тебя, лежавшего в кровати.

– Ну, давай, вставай! Что ты? Что с тобой? Не знаешь разве, Бакизат была для всех нас недостижимой мечтой. Как она задирала нос, кроме одного Азима никого не подпускала к себе. И эта строптивая задира спустилась с небес, и надо же, жар-птицей сама припорхнула к тебе. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Давай, давай, вставай! И никаких отговорок. И обмой обрушившееся на тебя неожиданное счастье. Мы ничего не знаем, хоть продавай единственную верблюдицу матери-пенсионерки! Это тот случай, когда ты должен разориться!

«В самом деле», – думал ты, соглашаясь во всем с друзьями, что для тебя казавшееся невысказанным, несбыточным, – стало возможным; и ты вывернул карманы; что не доставало, занял у этих же ребят, обещая вернуть с первой же зарплаты, после того как устроишься на работу; и побежали в ларек; побежали в студенческую столовую; накрыли стол в твоей комнате в общежитии; и девушки не заставили ждать, пришли; их было трое; Бакизат явилась бледной и заметно осунувшейся; но, на удивление всем, вопреки ожиданию, движения её были решительными и порывистыми; как только вошла, поздоровалась, пожав всем руки. Потом, посмотрев на стол:

– Вот здорово! Водка. Вино. Колбаса. Сыр. Эй, Жадигер, почему не приглашаешь нас к столу? – сказала.

Надо отдать должное: какого бы ей ни стоило огромного труда, она вела себя достойно. Вроде раньше в рот не брала даже вино, а в тот вечер не отставала от парней, наравне с ними пила водку; отведала всего, что было на столе; и ела; и пила; только что сидевшие молча, будто язык проглотили, парни после двух тостов сразу оживились; и вспомнили про патефон; и эта музыкальная штучка, бог весть с каких времен оказавшись в студенческом общежитии и переходя из рук в руки его обитателей, выглядела сейчас как некий истерзанный мученик; и у этого видавшего виды мученика сохранилась не менее истерзанная и каким-то чудом дожившая до этого дня одна-единственная пластинка, которая скорее напоминала собачью морду, расцарапанную дикой кошкой; на одной стороне записана песня, на другой – кюй; сначала поставили песню; и все, кто были за столом, подхватили было сразу, дружно, но тут, надо же... старье есть старье, пластинка, издав неприятное «хр-др-р», остановилась. Бакизат, не глянув даже, просто, по-свойски, взяв тебя за руки, поднялась; ты растерялся; не успел сказать, что не умеешь танцевать, и, как верблюды перед мостом, стал было робко упираться, на что она не обратила внимания, как-то сильно, рывком притянула тебя, по такту музыки сделала только первый шаг и тонко вскрикнула: «Ой-й!» И остановилась.

Нахмутив брови, уперлась рукой в твою грудь и резко оттолкнула тебя от себя.

– Девочки, пошли! – сказала подружкам и, не прощаясь, заспешила к двери. Перед тем как выйти, обернулась, кинула взгляд на вас, растерянно застывших у стола, и ушла.

Пропади всё пропадом! В ту ночь ты до утра не сомкнул глаз; был зол не столько на себя, сколько на свои треклятые ноги сорок пятого размера; была бы твоя воля, ты не задумываясь отрезал бы их и выкинул; какая уважающая себя

девушка согласится выйти замуж за мужчину с такой дурацкой, несурзадной ногой? И ты был уверен, что она упорхнула, улетела насовсем.

Еще при жизни отца осталась у тебя с малых лет привычка вставать рано; и в это утро, ни свет ни заря, поднял голову, провел руками по густым жестким волосам; потом сел и обвел комнату тяжелым, угрюмым взглядом из-под нависших бровей; и невесело усмехнулся, увидев какой уже день тщательно заправленную кровать своего соседа по комнате. «В самом деле, – думал ты, – что ему делать в общежитии, когда девушка, на которой он собирается жениться, ждет его где-то там»? Какое-то время сидел, понуро опустив голову и свесив с кровати ноги; кто-то открыл дверь и вошел; ты даже не взглянул, подумав, что это пришел тот счастливчик, только что покинувший горячие объятия своей девушки; но нет. Кто-то другой, живо стуча каблучками по дощатому полу, идет прямо к тебе; поднял голову; заморгал раз, другой и снова глянул. Да, она! Сам не заметил, как вскочил; она увидела, как ты заволновался, засуетился и в растерянности не знаешь, то ли прибрать постель, то ли одеваться.

– Брось! Потом приберешься, – сказала она. И сразу приступила к делу. – Мама не стала слушать меня, едет к нам. Ты лучше не попадайся ей на глаза. Возвращайся домой. Аул... Слышишь, твой аул и без тебя может обойтись. Мы должны жить в городе, в Аральске. Ты же знаешь слабости моей мамы. Если хочешь угодить ей... Пстой! Ты, случаем, не член партии?

– Нет, – покачал ты головой.

– Ну, тогда в райкоме тебе делать нечего. Если получится, пожалуйста, устройся на работу в райисполкоме, – сказала она и, не задерживаясь, ушла. Уходя, еще что-то вымолвила, но ты толком не расслышал, понял только, будто бы она задерживается из-за одежды, которую заказала в ателье, и придет попозже...

Провожала тебя Бакизат с подругами; ты не сразу узнал её; была в ней какая-то потерянная; куда девалось всегда оживленное, освещенное улыбкой, живое, говорящее лицо; вокзал был, как всегда перед отправлением поезда, многолюдным и шумным; уже два раза прозвенел медный колокол; перед третьим, последним звонком отъезжающие и провожающие засуетились, заволновались; и вот тут девушки вдруг расшалились: «Мы прикроем глаза. Поцелуйтесь!..» – пристали к жениху с невестой. Ты, робея, смущенно поглядывал на Бакизат; а она с едва уловимой досадой подмигнула тебе, дескать, не обращай внимания, мало ли что взбредет в голову подружкам; но проказницы не отставали и, похикивая, всё подталкивали вас друг к другу; Бакизат, чтобы отвязаться от наседавших подруг, поднесла к своим алевшим губам кончики пальцев, изобразила звучный воздушный поцелуй; твое пылающее от смущения лицо, наверное, только подзадоривало девушек; не в силах смотреть на бедовых озорниц, ты всё отводил от них глаза; как всегда в минуты полной беспомощности, чувствуя себя припертым к стенке, вспомнил Бога и молил Его только о том, чтобы поскорее зазвучал третий сигнал.

Поезд тихо тронулся; ты не спешил; как обычно, надеялся на свои длинные мосластые ноги; и когда поезд ускорился, ты в несколько прыжков настиг свой гурьевский вагон, вскочил на подножку; и пока пассажирский состав медленно утягивался за поворот, ты, свесившись из тамбура, во все глаза смотрел туда, на перрон, где оставалась Бакизат в окружении подруг; она помахала рукой и вдруг с детским озорством, обычным для нее в прежние счастливые её годы, с этакой невинной уловкой соорудила плаксивую гримасу; вздернула на сторону подбородок и смахнула пальчиком воображаемую слезу; девушки умирали со смеху.

Поезд между тем набирал скорость; мимо иных станций проносился вихрем; мелькали разъезды, саманные домишки с огородами... чья-то жизнь... безвест-

ные судьбы... гурьевский прицепной вагон с грохотом мотало из стороны в сторону, того и гляди снесет на полном ходу с рельсов.

Давно перевалило за полночь; близился рассвет; в вагоне было душно; сон всё не шел на глаза; храпели пассажиры; и как только летний рассвет забрезжил, выбелив слабым светом окна, люди в вагоне зашевелились; одни зевали; другие, оторвав от подушек растрепанные головы, озирались по сторонам; кое-кто курил; ты так и не сомкнул глаз. «О Создатель, – задрожали губы. – Если хочешь воздать рабу Своему, милости Твоей, видимо, не бывает предела!.. Апырай, надо же, Бакизат... Разве она замечала тебя, когда рядом был Азим? Правда, иногда они брали тебя с собой, когда шли гулять; Бакизат было досадно, что такой, казалось бы, здоровый на вид парень ходит бобылем, когда в городе столько девушек; стоило им выйти в город, как, завидев хорошенькую девушку, подмигивая в её сторону, тянулась она то к одному, то к другому твоему уху и тихо, шепотом спрашивала: “Ну как? Нравится тебе?” Вскоре ты перестал ходить с ними; оставался в общежитии, готовился к занятиям. “Бог ты мой, – думал ты. – Что мне до девушек? Какое мне дело до их танцев? К чему мне выкаблучиваться в толпе этих плясунов, топоча, колотя по доскам, поднимая пыль и без того изношенными парусиновыми ботинками? После пережитого позора в общежитии не доставало, чтобы я обидел еще какую-то щепетильную особу. Нет-нет, ни за что!.. Лучше выучить лишнюю страницу учебника. И в самом деле! Что еще нужно мне, кроме как, получив специальность, вернуться в свой аул, обрадовав бедную мать?”

Апырай, Бакизат!.. По сути говоря, она ведь умница? Что бы ни возомнила о себе, а всё-таки, хочешь не хочешь, женская сущность берет свое; к чему требовать от человека, который, как бы ни лез из кожи вон, всё равно не станет Азимом? К чему обучаться какой-то чертовщине, к чему душа не лежит? Какой прок от этого? Разве не достаточно жить как все, не хуже и не лучше других, добывая на жизнь своим честным трудом, в поте лица? Почему не понять таких простых вещей?»

От самой Алма-Аты ты лежал всё так же на верхней полке последнего вагона, несущегося, качаясь, с грохотом и скрежетом; ты живо вспомнил Бакизат на вокзале, убитую горем; ты, конечно, знал причину: разве легко было знающей себе цену, горделивой девушке, привыкшей всю жизнь смотреть на всех свысока, пережить такой позор и унижение? Говорят, когда она узнала о предательстве Азима, то будто бы упала в обморок, рухнув ничком на постель; а когда поднялась на следующий день, – будто бы подушка была мокрая от её слез.

– Эй, парень! Подъезжаем к Аральску...

Ты вскочил, быстро собрался и едва успел спрыгнуть с поезда, как тот тронулся и стал отходить; ты сразу почувствовал, как жарко на твоей милой родине, где теперь до самой осени будет нещадно палить солнце с раскаленного аральского неба; неоднократно налетит со степи знойный, обжигающий суховей, испепеляя всё вокруг; особенно невыносимой становится летняя жара в полдень, когда, кажется, сама тень истлевет, скорчившись, будто стараясь упрятаться под стены приземистых домов и уйти под чахлые пыльные деревца на узких и кривых улочках маленького городка, резко пахнущих солончаковой пылью, перекаленным саманом.

Целую неделю ты обивал пороги учреждений в поисках работы; без труда отыскал те самые главные два здания, где находились организации, что очень по нраву старой хрычовке; они располагались на центральной площади города по обе её стороны; оба здания в два этажа; одно сложено из жженого кирпича, другое – из камышитового каркаса; каждое утро к этим двум зданиям подъез-

жали две машины; одна из них – крытая брезентовым тентом, по всему видно, что не требовала для себя особого ухода, другая – новая белая «Волга».

Каждое утро в девять часов из машины с тентом выходил тучный, дородный человек. В тот день, держа пухлый желтый портфель в руках, как только его ноги коснулись земли, он остановился и, задрав голову, посмотрел на небо. Запущенная только вчера с Байконура ракета словно перевернула небо и землю. После пыльных смерчей, вал за валом прокатившихся по степи, начался ураганный ветер, который не замедлил уже на следующий день перейти в свирепую воющую бурю. Громадные, черные, как бы вспененные облака тянулись по небу, выстраиваясь в мрачное, уходящее вдаль кочевье. Председатель, с неодобрением, безнадежно и тоскливо глядя на небо, покачал головой:

– Считай, эта буря затянется на всю неделю. Еще одно бедствие на голову простого народа. Теперь трудно будет, особенно рыбакам. Не смогут выйти в море... То ли шайтан, джинн, то ли черт знает что это такое? – в душевной муке, махнув рукой, пошел в здание.

Белая новая «Волга» тоже подкатила к двухэтажному кирпичному зданию на другой стороне площади; не успела остановиться, как мигом выбежал из здания молодой юркий сотрудник, поспешно открыл дверь, и из машины медленно вышел мужчина лет сорока, с ягн्याчим брюшком; не обратил внимания ни на кого, не глянул ни на что; медленно, степенно двигаясь, вошел в здание; «Видать, это и есть райком, о котором говорила Бакизат», – подумал ты. Также вспомнились тебе слова Бакизат: «Если не вступил в партию, в райкоме тебе делать нечего», и ты сразу почувствовал облегчение.

Будь что будет, – решил ты во всем следовать советам Бакизат и очертя голову бросился в райисполком; хозяин этого учреждения, который разъезжал в машине с натянутым тентом, в просторной, мешковато сидящей одежде, почему-то с первого взгляда показался тебе человеком, смахивающим на неотесанных аульных казахов, так знакомых тебе с детства. Однако, на твою беду, этот человек оказался непоседливым – сколько бы ты ни приходил, никогда не заставлял его на своем месте: то он у рыбаков устья Сыр-Дарьи, то даже на том берегу Арала; потеряв надежду попасть к нему на прием, ты начал обходить другие учреждения города; однако, куда бы ты ни приходил, к своему удивлению, нигде не находил ни одного человека, который бы встретил тебя с распростертыми объятиями – «молодой специалист, так заходи, заходи!» Напротив, едва переступал порог какого-нибудь кабинета, как его хозяин, словно бодливый козел, вскидывал на тебя хмурый, неприязненный взгляд, а стоило лишь заикнуться о работе, тотчас становился безразличным и уже более и ухом не вел, закапывался с головой в бумаги; ты не знал, куда деваться – продолжать стоять, утирая пот со лба, или вывалиться поскорее в ту дверь, через которую только что робко вошел; бесплодное хождение становилось невыносимым и унижительным.

Из Алма-Аты приехал еще один выпускник института; по его рассказам, знаменитый строитель даже на порог дома не пустил старую хрычовку. А что касается Азима, он с молодой женой спрятался где-то за городом; вот еще что сказал парень: Азим и Бакизат встретились; вместо того, чтобы попросить прощения у девушки, Азим якобы сказал: «Обстоятельства так сложились, дорогая». Затем недолго думая взвалил всю ответственность на нее: «Если действительно ты любишь меня, – сказал он, – ты должна думать не только о себе, но и о моем будущем. Ты не останешься одна. Вижу, ты нравишься парням. А-а... что касается Жадигера, он давно влюблен в тебя. Насколько я понимаю, он готов душу отдать за тебя. Парень он видный. Косая сажень в плечах. Здоровяк

что надо. Что хорошо в нем, он добрый, покладистый. И будет послушным мужем». – «Я беременная от тебя». – «Ах, да? Ты что, обо мне что-то говорила? Ничего. Жадигер-р. Я его знаю, он ни в чем тебе не перечит. Вот увидишь, такие люди, как он, любят маленьких де-де-де-ет...» Азим даже не успел заметить, как только что заливавшаяся горькими слезами девушка в одно мгновение оборвала слезы; от неожиданного удара крепко стиснутого кулачка из глаз у него брызнули искры, а когда, моргнув ресницами, он снова открыл глаза, девушка уже оказалась у самой двери.

Когда услышал обо всём этом, ты был так доволен, даже в восторге, что не заметил, как вырвалось у тебя: «Ой, душа моя, а что ей было делать?!»

Апырай, чего только не знали наши предки! Пусть земля будет им пухом. Они ведь говорили, что «пестрота скотины на виду, снаружи, а пестрота человека сокрыта внутри». Был бы кто-то иной – другое дело, но Азима ты знал. Должен был знать. Вы же родились в одном ауле, даже в один день. Росли вместе; учились вместе в одной школе; однако, надо сказать, он был пошустрее и способней тебя; всё схватывал на лету; был отличником учебы; и в общественной работе в стенах школы тоже был активным; его ставили в пример; и он даже первым вступил в «общество безбожников», организованное старшим пионервожатым; на нём была белая рубашка; на шее – красный галстук; помнится, как, почти птицей выпорхнув, оказался на сцене колхозного клуба стройный подросток с горящими глазами; затем звонко отчеканил заранее выученный стишок:

*«Наш аульный мулла,  
На голове вот тако-о-й тюрбан,  
Ни козленка, ни ягненка не возьмет,  
А на жаназе<sup>2</sup> бычка с удовольствием берет».*

– Тьфа! Тьфа! Вот увидите, этот щенок Сулеймена подрастет, проторит себе дорогу туда, на самый верх, – восхищенный Сары Шая, покачав головой, зацокал языком.

Да, дядя твой будто в воду глядел. А ты вот... со своим дипломом всё еще слонялся по городу, обивая пороги учреждений, и ничего у тебя не выходило. Разве что до дыр протер парусиновые ботинки на колдобинах кривых узких улиц Аральска.

И вот однажды... Хоть смейся, хоть плачь! В тот день Бакизат должна была приехать вечерним поездом; ты, как обычно, с утра уже бегал в поисках работы и оказался в каком-то задрипанном учреждении, расположенном на окраине маленького городка; это был твой последний шанс; кое-как преодолев робость, приоткрыл дверь крошечного кабинета, где сидел толстяк с расплывшимся мясистым лицом и обвислым двойным подбородком; тебя охватил страх; едва переступив порог, ты было остановился, но нет... вопреки твоему ожиданию, этот толстяк не вскинул на тебя, как другие, недружелюбно-настороженного взгляда; хотя поначалу тоже внимательно уставился в нежданного посетителя маленькими, с пуговку, глазками, но они, к твоей радости, тут же потеплели; с тех пор прошло тринадцать лет, но ты и по сей день не знаешь, то ли он обрадовался, что хоть кто-то пришел в ту самую пору, когда он помирал от жары и не знал, куда девать свое непомерно большое тело, едва помещавшееся в этот залитый южным солнцем душный кабинетик; или, как знать, может быть, ему показалось забавным, что тот, кого он принял за взрослого человека, оказался

<sup>2</sup> Жаназа – панихида.

нескладным застенчивым юнцом; как бы там ни было, в буравчатых зрачках поросячьих глаз вдруг заплескала веселая искорка.

– Входи! Входи! – сказал он, удивленный тем, что застенчивый юноша, застыв у порога, не смеет подойти поближе и всё мнет, тискает обеими руками полинялую старую кепку. – Ну, смелей! Проходи!

Добродушный толстяк, обмахивая себя газетой, просматривал твой диплом и, кажется, с явным одобрением бормотал невнятно: «Да! Да!.. Гм-гм!..» – потом вдруг поднял голову и спросил:

– Значит, тебя зовут Жадигер?

– Да, да, Жадигер, – подтвердил ты и радостно подумал: «Может, повезет!» Сердце забилось сильнее.

– А знаешь... кажется, одного батыра из народного эпоса тоже звали Жадигером. А ты... ты, – то ли удивляясь, то ли радуясь, толстяк оглядел тебя с головы до ног и хохотнул, – смотри-ка, да ты тоже малость на батыра смахиваешь. И ростом вышел, голенастый такой, и этот... отросток твой... тоже небось немалого размера, а? Ха-ха-ха!

Веселый толстяк откинулся на спинку охнувшего под ним стула, откинул голову и хрипло, с жирным клекотом захохотал; твой небольшой жизненный опыт подсказывал, что бывают иные добродушные дяди, которые перед тем как облагодетельствовать кого-нибудь, испытывают потребность сначала малость покуражиться, как бы в кошки-мышки поиграть, наслаждаясь своей властью.

– Слушай... выходит, ты сын передового рыбака Амиржана?

– Да, агай.

– Да, говоришь... Значит, сын того Амиржана, что жил на этом берегу, а не на том. Так?

– Мы с этого берега...

– Апырай, а?! Если ты сын почтенного Амиржана, который жил на этом берегу, а не на том, – стало быть, ты, черт долговязый, из рода Жакаим?

– Да, агай. Мы из рода Жакаим...

– Ну и хорошо, хорошо... Только скажи-ка мне теперь, вы Жакаимы верховий или низовий?

Ты замялся, не зная, что означают эти загадочные «верховья» и «низовья».

– Ну, говори, ты из каких жакаимцев – морских или сухопутных?

– Наверное, морской...

– О Аллах, выходит, мы с тобой одного рода. И я, кажется... помню тебя еще сопливым мальцом... о-ха-ха-ха!..

Ты не обиделся, наоборот, тебе было приятно, что веселый толстяк оказался твоим сородичем; и не просто сородичем, а близким – из рода морских Жакаимов.

– Значит, выходит...

Ты ничуть не сомневался, что сейчас услышишь из уст этого добродушного веселого человека, который одного с тобой рода-племени, долгожданные слова о назначении на работу; о, тогда... к приезду Бакизат кончатся твои мытарства; конечно, она обрадуется; всё будет улажено, останется лишь отпраздновать свадьбу! Нет, не зря, видно, сегодня с утра дергался у меня правый глаз: это ведь, говорят, к добру, к везению; «Может, еще и к себе на работу возьмет?» – мелькнула робкая мыслишка; и в надежде услышать сейчас обо всем из уст сородича, ты несмело воззрился на него; поймав твой взгляд, дородный морской жакаим качнулся на скрипучем стуле и почему-то снова хохотнул.

– Слушай, если ты из морских Жакаимов, то должен знать припевку о нашем роде... О морских Жакаимах. Забавная такая:

О, Жакаим, Жакаим!

Велика ли слава:

Воды соленой нахлестался –

Аж трещат суставы...

– Ну и как? Правду говорят?

– Что вы, ага... Это аульные остряки придумали, друг над другом подшучивать...

– Шутка, думаешь? Нет, суровая жизненная правда. Если хочешь знать, дорогой, у человека, постоянно пьющего соленую воду, откладывается соль в суставах. В медицине это так и называется – отложение солей. И потому у него суставы трещат. Гены, понимаешь! А ну, давай-ка, пройди взад-вперед. И если ты истинный морской жакаим, то, Аллах свидетель, и у тебя при ходьбе должно стрелять в пятках!..

И тут веселый толстяк всей своей кабаньей зашеиной опять отвалился на спинку стула и зашелся неудержимым стонущим хохотом; хохотал так, что забулькало частыми толчками его упиравшееся в край стола брюхо; исчезли, запропали вовсе, превратившись в две щелочки, его поросычьи глазки. Только мокрый рот по-рыбьи хватал воздух... ты схватил со стола свой диплом и метнулся вон из кабинета; и, уже больше никуда не заглядывая, поспешил на станцию встречать Бакизат.

С тех пор прошло тринадцать лет. Толстого Жакаима ты больше не встречал; впрочем, нет... однажды, спустя многие годы, увидел его в столице, в президиуме совещания. Он тебя не заметил; и ты тоже не подошел к нему; тебе и сейчас чудится, что он, как и тогда, при встрече, желая уязвить, обзовет сопливым мальцом... А мать Бакизат, твоя разлюбезная теща, и поныне твердит, не скрывая своей неприязни: «Запомни, зятек, это мы тебя в какие-никакие люди вывели!..»

Да, влиятельные родичи жены имели широкие связи и в городе, и в аулах; и, надо отдать им должное, в первое время они с ходу подхватили тебя, словно бурное течение лодчонку. Но ты, к несчастью, не умел идти на поводу; когда, заручившись поддержкой самого Ягнячьего Брюшка, первого секретаря райкома партии, тебя хотели перевести в город на хорошую должность, ты, лишенный честолюбия, заартачился, словно верблюд у брода. Вот теперь, хоть имей десять дипломов, на твоём лбу как клеймо написано быть первым дипломированным рыбаком со дня сотворения синего Арала. Впрочем, теща твоя и поныне, ехидно похикивая, не перестает называть тебя «наш дипломированный рыбак».

Что ж, пусть смеется... Теперь, небось, вволю потешит душу!

Продолжение в № 11, 2024.

